

держивающие геральдический щит, а на щите – рука в рыцарских доспехах, сжимающая меч. «Девушкой с Единорогом» была для Гумилёва Мария Кузьмина-Караваева, в которую поэт был влюблён. Однако сюжет Дамы и Единорога обладает в текстах поэта достаточно широкой интерпретацией и восходит, прежде всего, к образно-символическим рядам средневекового искусства.

В средневековом французском искусстве образ Единорога был связан с идеей девственности Марии и воплощения Христа. Легенда о мифологическом животном, рог которого обладал силой очищать всё, к чему бы он ни прикасался, была усвоена в качестве христианской аллегии. Серия шпалер «Дама с Единорогом», выставленных в Музее Средневековья, состоит из шести полотен, пять из которых носят самостоятельные названия и символизируют зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Шестая шпалера получила название «*A mon seul desir*» («Моему единственному желанию»). Если пять остальных шпалер символизируют пять земных чувств (зрение, слух, обоняние, вкус и осязание), то шестая является аллегорией того самого «шестого чувства», о котором писал Гумилёв в одноименном стихотворении («Кричит наш дух, изнемогает плоть, // Рождая орган для шестого чувства») (4, 97).

Гобелены «Дама с единорогом» ко времени первого пребывания Гумилёва в Париже (1907–1908 гг.) были широко известны в Европе. Гумилёв воспринял проанализированный выше средневековый сюжет через образно-символические ряды полотен Гюстава Моро. Влияние эстетики Гюстава Моро на творчество Н. С. Гумилёва – тема, требующая серьёзного и глубокого исследования.

Е. Н. Васильева

МИР ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В ПРОЗЕ И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА

The offered article deals with the role and place of manor of noble family in the prose of I. S. Sokolov-Mikitov. Not passing value of farmstead culture on formation of the personality of the writer is marked. The evolution of patriarchal way of «nests of noble family» is considered. The literary traditions according to the given theme in the creative activity of Sokolov-Mikitov are pointed out.

Key words: manor of noble family, spiritual values, traditions, memory.

го города Бежецка, в прошлом – окраинной части новгородских территорий. Борисково, имение Кузьминых-Караваевых, соседствовало с селом Слепнёво, принадлежавшим Анне Ивановне Гумилёвой.

«Усадьбы старые разбросаны // По всей таинственной Руси...» – писал Н. С. Гумилёв в стихотворении «Старые усадьбы»¹.

Жизнь русской усадьбы в своём классическом выражении была слишком коротка. Она началась в 1762 г. после опубликования Петром III манифеста о «вольности дворянства» и стала быстро перерождаться после издания другого манифеста Александра II в 1861 г. (через 99 лет) об «освобождении крестьян». Всего лишь век. Очень мало для возникновения законченного типа культуры со своими особыми формами жизни, психологии, системой привычек, архитектурой, типом ландшафта.

Обратимся вначале к месту дворянской усадьбы в русской истории и русской жизни. Культуру России последней трети XVIII и первой половины XIX веков можно назвать усадебной. Д. С. Лихачёв, крупнейший специалист в области садово-паркового искусства и усадебной культуры, справедливо полагал, что усадьба определяла в русской культуре всё основное и новое, весь культурный и духовный характер русской жизни². Доминирование усадьбы в русской жизни и культуре той эпохи не могло не получить отражение в литературе и живописи.

Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» можно назвать энциклопедией усадебной жизни. Поэт отметил все усадебные атрибуты:

Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище<...>
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей,³

обозначив её ценности – дом, книги, сад/парк, погост.

Значительное, порой определяющее место данной теме отводится на страницах целого ряда произведений Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. У И. А. Гончарова в романе «Обломов» усадебная жизнь предстаёт уже лишь как золотой сон далёкого безмятежного детства. В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» усадебный патриархальный быт подвергается критике от имени молодого поколения. Не случайно конфликт «старого» и «нового», противостояние отцов и детей происходит в помещичьем имении, а одна из этих оппозиций прямо олицетворяет старую усадебную жизнь.

К началу XX века усадебная жизнь переживала глубокий кризис. В знаменитых пьесах А. П. Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад», где тема гибели – творческой, духовной, нравственной – является

¹ Гумилёв Н. С. Собр. соч.: В 4 т. М: ТЕПРА, 1991. Т. 1. С. 215.

² См.: Лихачёв Д. С. Избранное. СПб.: Logos, 1998.

³ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 3 т. М.: Мир книги, 2008. Поэмы. Евгений Онегин. С. 389.

стержнем сюжета и доминирующего сценического настроения, действие тоже происходит в усадьбе.

Новая волна культурно-художественного подъёма, получившая название Серебряный век, вновь привлекает внимание к судьбе русской усадьбы, выдвигает её на видное место в культурной жизни. Появляются высокохудожественные издания, посвящённые уникальным усадебным ансамблям. Почти полностью были посвящены усадебной культуре журналы «Столица и усадьба» и «Старые годы». Усадьба как бы вновь возрождается, но уже как эстетическая грёза. В произведениях художественной литературы воспевается красота её умирания (достаточно вспомнить творчество И. А. Бунина).

В 1917 г. обозначилась обречённость русской усадьбы и всего с ней связанного. Опустели дома, белые колонны рухнули, дорожки парков заросли травой. Новый быт, разрушив старые эстетические и художественные ценности, других ещё не создал. Но необходимо подчеркнуть, что, хотя абсолютное большинство домов в дворянских поместьях исчезло, русская усадебная культура полностью не погибла. Пейзаж по-прежнему хранил память о существовавших поместьях, ещё сохранились фундаменты или полуруины. Усадьбы стали немymi свидетелями проходящего, всё разрушающего времени.

Прошлое усадьбы остро чувствовалось людьми начала XX века. Несмотря на стремительное запустение, обветшание и разрушение, русская усадьба «живёт» и в литературе советского времени. Художники слова, воспитанные на образцах прежней культуры, понимали, какую роль она играла. Сельская Россия была страной усадеб, которые являлись своеобразными духовными и культурными центрами.

Тема русской усадьбы лейтмотивом проходит и в творчестве И. С. Соколова-Микитова. Так, в рассказе «Дороги» читаем: «Через полуразрушенные каменные ворота мы въезжаем в старинный помещичий парк, едем под деревьями, роняющими на дорогу редкие капли, останавливаемся у подъезда огромного старинного, с колоннами, дома-дворца и, привязав лошадь, идём по широкой лестнице вверх. Теперь тут обосновался усадебный музей»¹. Автор детально описывает знаковые усадебные интерьеры и ландшафты, которые ещё хранят черты былого великолепия и в то же время несут отпечаток времени: «Мы проходим все комнаты, поднимаемся в детскую половину, откуда открывается вид на пруд, на заглохший цветник, где на запущенных клумбах пасётся привязанный на верёвке телёнок. Но всё ещё прекрасен и густ старый парк, чудесен пруд с островами, развалившимися беседками, берегами, непролазной чащобой. Какие-то задичавшие, выродившиеся цветы сиротливо тянутся по кирпичной обсыпавшейся оgrade...» (308).

¹ Соколов-Микитов И. С. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 306. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы в скобках.

В приведённом фрагменте обращает на себя внимание контрастность образов и описаний. Описание парка не случайно даётся через окно детской комнаты. Образ детей неразрывно связан с темой будущего, в том числе будущего дворянского рода, а значит, и усадьбы. Но автор разрушает эту иллюзию в конце описания, буквально реализуя метафору «дети – цветы жизни»: «заглохший цветник», «задичавшие, выродившиеся цветы», которые *сиротливо* (курсив мой. – Е. В.) тянутся по разрушающейся ограде. Подобный же контраст читатель наблюдает и далее: «Ещё долго будет стоять огромный каменный дворец, построенный крепостным архитектором Семёном, – с колоннадами, с английским парком, с большими прудами, на которых недавно умер последний лебедь, со старыми берёзами на берегу пруда, на которых гнездятся цапли» (308). Вместо лебедей, которые олицетворяют жизнь, красоту, грациозность, величие, и которые поселялись рядом с людьми, мы видим цаплю, обитательницу опустелой, болотистой, безжизненной местности. Таким образом, И. С. Соколов-Микитов, знавший природу и тонко чувствовавший изменения в ней, сумел на уровне подтекста передать и перемены в жизни описываемой усадьбы. Некогда прекрасная, она умирает. И даже попытка создания на её месте музея, по мысли автора, не может вдохнуть в неё новую жизнь: «Многое могли бы ещё рассказать старые письма и письмена, но не охотник я долго копаться в старинных бумагах, могильным склепом кажутся мне музейные комнаты с зарадужными окнами, с тускло отсвечивающими портретами на стенах, с толстым слоем мёртвых мух за невыставлявшимися оконными рамами» (308).

В своих произведениях И. С. Соколов-Микитов не раз возвращается воспоминаниями в деревенское детство и всегда в них присутствует образ усадьбы, а вернее то, что от неё осталось: «Собственно, ещё до моей сознательной жизни сам собою начал рушиться в деревне старый, отживший мир. Что-то чуждое, сказочное виделось нам в окнах пустого огромного дома дворян Пенских, давным-давно покинутого владельцами, нежилого почти с крепостных времён. Дом этот, стоявший в соседнем селе, навсегда запечатлелся в моей памяти. С какой жадной чудесного заглядывали мы в высокие мёртвые окна, за которыми сквозили рассыпавшиеся в прах занавеси, какие фантастические ходили среди ребят и взрослых рассказы о привидениях, о старой барыне Пенчихе, якобы бродившей по комнатам со свечкой! Казался таинственным старый помещичий парк с дуплистыми древними липами, в которых гнездились галки, ночные сычи», – пишет Соколов-Микитов в повести «Детство» (47). В «Автобиографических заметках», в рассказе «Дороги» писатель вновь обращается к этой усадьбе, но время неумолимо: «Стёрт с лица земли, по брёвнышкам разнесён дом дворян Пенских» (304).

В повести «Елень» автор вспоминает усадьбу князей Друцких-Соколинских: «На памяти живых людей ещё стоял в большом селе над рекою большой старинный дом князей Друцких-Соколинских, с высо-

кими окнами и балконом, с дремучим парком и садом, с заросшими тиной копаными прудами» (116). По описанию мы видим, что усадьбе не один десяток лет, т.к. необходимы годы, чтобы вырастить парк и сад. Но время безжалостно: «Много с того времени уплыло воды, много упало и сотлело деревянных крестиков на деревенском кладбище; ещё больше сровнялось с землёю бескрестных могил; давным-давно перемешались в земле мужицкие и господские кости...

От старого осталась теперь высокая белая церковь на берегу реки; затянуло лопухом и крапивой обсыпавшийся княжеский склеп, повалились каменные и чугунные кресты на дворянских могилах...» (116). В период расцвета усадебной жизни обязательным атрибутом романтического сада была замшелая могильная плита или декоративная руина. Сегодня сама русская усадьба, а точнее её остатки, предстаёт посреди русского ландшафта романтической руиной, заброшенной могильной плитой – печальным знаком когда-то цветущей жизни. Эту же мысль Соколов-Микитов развивает и в рассказе «Курганы»: «Нынче от прошлого осталось мало <...> Лишь где-нибудь за облупленной, всеми покинутой церквушкой, в обвалившейся каменной церковной ограде, на каменных и чугунных плитах, потонувших в бурьяне, загаженных молодыми грачами, видны холодные, никому не нужные имена...» (295). Это и вызывает беспокойство писателя. Образы лопуха, крапивы, бурьяна непременно присутствуют при описании современной автору усадьбы или того, что от неё сохранилось: «От усадьбы осталось лишь несколько деревьев, а на месте господского дома – заплывшая землёю, заросшая крапивой яма, в которой валялись обломки кирпичей» (343). Невозможно построить новое, разрушая всё предшествующее. Соколов-Микитов, создавая свои произведения, стремился сохранить это прошлое хотя бы в памяти и более того – в своей жизни, когда это было возможно.

В рассказе «Пыль» автор продолжает начатую ранее и глубоко волнующую его тему: «Перейдя реку, Алмазов (сын бывшего хозяина имения. – **Е. В.**) обулся и по обрыву поднялся к усадьбе. Парк наполовину был вырублен. Грачи громоздились на немногих оставшихся деревьях. Над спущенным прудом, заросшим травой, лежали дубовые разбитые вершины, ещё не сбросившие сухих, звеневших по ветру листьев. Вокруг пруда и по парку дико разрослась сирень. Там, где стоял алмазовский высокий с колоннами дом, окнами на церковь, чернела куча обгорелых обломков, затянутая бурьяном, и вокруг колосился ячмень, буйный, зелёный, местами полёгший от тучности. В парке по траве рассыпались одуванчики, и под уцелевшими липами ковром цвела иван-да-марья. Пахло нагретой землёй и мёдом. Старая яблоня наклонилась ветвями до самой земли» (232). Всё, что осталось от усадьбы – дом, парк, пруд – мы видим глазами бывшего владельца. Прибегая к такому художественному приёму, автор передаёт всю горечь и боль утраты, болезненность от осознания невосполнимости утраченного. Мы ви-

дим, что, как и в «Антоновских яблоках» И. А. Бунина, уходящий в прошлое патриархальный уклад усадебной жизни в прозе И. С. Соколова-Микитова также неотделим от запахов: земли, мёда, яблок. Уже в первой своей повести «Детство» писатель прибежал к подобным ассоциациям: «Мне хорошо запомнился хваловский большой сад со старыми, сплетавшимися в одну зелёную крышу высокими деревьями; широкий, заросший лопухами двор... Пахло в хваловском доме мёдом, сушёными яблоками, нюхательным табаком (67). На смену этому духовному миру приходит резко контрастирующая с ним другая эпоха: «В верховьях рек Оки и Угры у прогоревших дворян, покидавших родовые гнёзда, коншинские приказчики за бесценок скупали лесные имения. Фабриканта Коншина не интересовали запущенные помещицьи земли, запустелая дворянская старина. Скупавшиеся у помещиков леса рубили напропалую, превращали в ходкий товар: дрова, брёвна и доски» (30). Кончается период «вишнёвых садов» с элегической красотой уходящего усадебного быта, с поэзией воспоминаний о былой жизни: «Пусто сквозил над рекою вырубленный липовый парк, и в нём, на месте крепостного помещицкого дома, белели крыши каких-то новых построек» (268). В «Свидании с детством» И. С. Соколов-Микитов с горечью и щемящей тоской пишет о том, как «многие дворяне совсем побросали свои имения. Из них как бы выветрилась любовь к природе, к усадебному быту. Они не заглядывали в родные поместья, в старинные усадьбы, где родились, вырастали и умирали их предки» (343). Иван Сергеевич Соколов-Микитов продолжил тему, начатую Чеховым-драматургом: «На смену прогоревшим помещикам-дворянам, имевшим свои родовые гнёзда, шёл хищник купец, мало интересовавшийся лирической усадебной тишиной. Исчезали поэтические ларинские усадьбы» (46). В «Автобиографических заметках» писатель акцентирует внимание на той же мысли: «Прибрав к рукам разорившихся дворян, распоясался кулак-скупщик, безжалостно вырубавший чеховские вишнёвые сады, на дрова ломавший тургеневские дворянские гнёзда»¹. Нужно особо подчеркнуть, что Соколов-Микитов не раз в текстах своих произведений ориентировался на классические традиции в раскрытии темы русской усадьбы. Так, в «Детстве» находим: «Давно исчез старинный помещицкий быт, описанный в тургеневских романах; заколоченными стояли старинные усадебные дома, зарадужелыми окнами слепо глядевшие на новую жизнь. Лопухом и крапивою зарастали мраморные памятники в церковных оградах, где ещё можно было разобрать начертанные золотом забытые имена» (46). Тем самым автор ориентирован на подготовленного читателя, которому не надо разъяснять смысл понятий «ларинская усадьба» и «тургеневское дворянское гнездо». Контраст прошлого

¹ Соколов-Микитов И. С. Автобиографические заметки // Соколов-Микитов И. С. Собр. соч.: В 3 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. Т. 3. С. 151.

и настоящего обозначен лаконично, но в то же время ёмко. Дворянская усадьба формировала национальную духовность. Поэтому для Соколова-Микитова было принципиально важно подчеркнуть, что становление его как личности и писателя прошло в тех же краях, где жили и творили выдающиеся русские писатели, художники и музыканты: «Здесь, в наших краях, была усадьба русского композитора Глинки. <...> Здесь же неподалёку стояли вымышленные Львом Толстым Лысье Горы князей Болконских» (295). В цикле «Давние встречи» автор вспоминает, как он посещал Ясную Поляну. И здесь особое место отводится описанию старинной дворянской усадьбы: «Освежённый и бодрый направляюсь к толстовской усадьбе. Узнаю её по двум выбеленным столбикам, которые много раз видел на яснополянских фотографиях. Иду по дороге-прешпекту к дому, спящему и пустому. Узнаю много раз описанное “дерево бедных”, <...> деревянную террасу со знакомыми вырезанными петушками. В черёмуховых цветущих кустах поют соловьи»¹. Для Соколова-Микитова чрезвычайно важно было соприкоснуться с духом этих памятных мест.

В последние годы жизни писатель жил в Калининской (ныне Тверской) области. Путешествуя с А. Т. Твардовским на Петровские озера, Иван Сергеевич отмечал: «Мы подивились обилию старинных дворянских гнёзд в бывшей Тверской губернии»². Дворяне, по-видимому, селились здесь поближе к знаменитому тракту, соединявшему две столицы. Автор сожалеет о том времени, когда усадебный быт определял национальное самосознание: «Почти стёрлись с лица земли дворянские усадьбы, нарядным ожерельем украшавшие знаменитый тракт. Остатки фундаментов, окружённые живучей сиренью, попадались на нашем пути»³.

Таким образом, в творчестве И. С. Соколова-Микитова тема дворянской усадьбы занимает значительное место, что в принципе не характерно для литературы советского периода в целом. Обращение к ней свидетельствует о глубоком интересе писателя к духовной стороне жизни русской деревни, о его раздумьях над судьбой Родины.

Е. И. Абрамова

КОСТЮМНАЯ ДЕТАЛЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПИСАТЕЛЯ (РОМАН Д. М. БАЛАШОВА «ВЕТЕР ВРЕМЕНИ»)

The article is devoted to a study of costume in D. M. Balashov's novel «The wind of time». The purpose of the given work is to observe the way of

¹ Соколов-Микитов И.С. Давние встречи // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 164.

² Там же. С. 231.

³ Там же.